

ИСТОРИЯ СТИХОВЕДЕНИЯ И ФОРМАЛИЗМ

Б. В. Орехов^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

² Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Поступила в редакцию 01.04.2024 г.

Принята к публикации 15.06.2024 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-10

Ядерная идея формализма в том, что литература не является простой функцией психологии или социальной теории и не может быть объяснена с помощью аппарата этих наук. Можно сказать, что стиховедение едва ли не единственная филологическая субдисциплина, которая сумела сохранить основную идею формализма, объясняя стиховедческие факты стиховедчески, а не экономически, социологически или психологически. Именно так, не прибегая к редукционизму, но выстраивая свою концепцию истории культуры как череды кризисов и их разрешений, действует в статье об истории русской рифмы М.Л. Гаспаров. М. И. Шапир в известной работе об эволюции русского четырехстопного ямба специально подчеркивает необычность применяемого им хода – объяснения стиховедческого факта с помощью исторически зафиксированных социально значимых событий. Стиховедение более всех остальных литературоведческих направлений сохраняет герметичность, предполагающую объяснение литературных данных через литературные обстоятельства. То, как литература оказывается в ситуации необходимости отстать от других наук, напоминает положение, в котором оказались в свое время социология и лингвистика, борьбу за отделенность которых от психологии вели Дюркгейм и Соссюр. В новейшее время под методологию формалистов пытался мимикрировать Франко Моретти, который при этом все же отстаивал ценности методологически враждебного лагеря, предполагающего, что литературные факты можно объяснять, используя логику социальных наук.

Ключевые слова: стиховедение, рифма, формалисты, М.Л. Гаспаров, Франко Моретти, квантитативные методы

Учебники, излагающие историю гуманитарных дисциплин, чаще всего представляют ее в духе Пьера Бурдьё (2000), то есть как поле борьбы агентов за наиболее правильный способ высказывания о своем предмете. В роли более или менее равноправных агентов выступают представители различных методов или школ (например, культурно-исторической, психологической, структуралистской и др.). Такое описание исторической ситуации выглядит естественным для наблюдателя, находящегося в точке конца XX – начала XXI века, то есть во времени, когда уже сложилась и институционализировалась демаркация науки второго порядка – иначе говоря, сетка разграничений наук между собой. Институционализация проявляет себя, например, в библиотечных классификациях (УДК, ББК) или шифрах специальностей,

присваиваемых ВАК РФ диссертациям, представляемым на соискание ученых степеней. Все это говорит о равновесности существующей системы, об устойчивом месте дисциплин в зоне науки.

Но так было не всегда. Для того чтобы в конце концов попасть в систему классификации наук, некоторым дисциплинам в течение своей истории приходилось отстаивать свою особость, то есть существование специфического предмета, право на собственные способы концептуализации и выстраивание каузальных рядов. Такой путь эмансипации от других наук с их понятийным аппаратом и объяснительными моделями в конце XIX — начале XX века последовательно проходят социология, лингвистика и литературоведение. Особость социологии при этом осмысляется в работах Эмиля Дюркгейма, языкознания — в лекциях Фердинанда де Соссюра, а науки о литературе — в трудах представителей русской формальной школы.

Дюркгейм в «Методологии социологии» посвящает специальное место разграничению социальных и психических фактов. За вниманием к этой теме легко реконструируется контекст усиления позиций социальной психологии, науки, изучающей поведение включенных в группы людей и предлагающей для него психическое объяснение. Он решает эту задачу с помощью понятия *субстрата*: поскольку психология обладает концептуальным аппаратом для описания психической деятельности индивида, а социальные группы состоят из индивидов, то психология потенциально способна «поглотить» поле социологии. Дюркгейм видит в этой конструкции неполноту, сходную с той, которую демонстрирует по сравнению с системой простая сумма ее частей. Описывая понимание социального у Огюста Конта, Дюркгейм проводит аналогию с организмом: «Для него общество так же реально, как живой организм. Оно, конечно, не может существовать вне индивидов, которые служат для него субстратом; и тем не менее оно есть нечто иное» (1995, с. 175). Действительно, просто положенные вместе органы разъятого тела не способны дать телу жизнь, без которой они не будут в полной мере отвечать понятию «организма». Жизнь как сущностный признак организма — это также «нечто иное».

В аналогичном социологии положении в начале XX века оказались и другие науки, например языкознание. Очевидно, что Ф. де Соссюру представлялся болезненным вопрос о соотношении лингвистики и социальной психологии: он выделяет обсуждение этой темы в специальный раздел своих лекций, опубликованных в 1915 году: «...поскольку лингвистика снабжает социальную психологию столь ценными данными, не составляет ли она с нею единое целое?» (1977, с. 45). И далее он сосредоточивается на противопоставлении языка и речевой деятельности, указывая, что последняя является «одновременно физической, физиологической и психической», «относится и к сфере индивидуально, и к сфере социального» (Там же, с. 48). Признавая, что речевая деятельность возможна только благодаря человеческой физиологии, то есть тот очевидный факт, что в производстве звуков участвуют органы речи, Соссюр оговаривается: «Все органы речи являются столь же по-

сторонними по отношению к языку, сколь посторонни по отношению к азбуке Морзе служащие для передачи ее символов электрические аппараты» (Там же, с. 56). Это «материальное обеспечение» речевой деятельности в контексте разговора о языке оказывается аналогом субстрата у Дюркгейма: звучащая речь невозможна без соответствующей физиологии (и не могла бы без нее появиться), как невозможно общество без индивидов. При этом язык есть (как сказал бы Дюркгейм) нечто иное, не локализуемое в органах речи, и его описание не может быть сведено к их физиологическому описанию. Именно стратегия Соссюра должна была быть ближе русским формалистам, чем стратегия Дюркгейма. Об ориентации формалистов на лингвистику как науку «по материалу своего исследования соприкасающуюся с поэтикой, но подходящую к нему с иной установкой и с иными задачами» говорится в программной работе Бориса Эйхенбаума о формальном методе (1927, с. 120).

Традиционный литературоведческий нарратив о методах науки, воспроизводимый в университетских аудиториях на курсах теории литературы, выстроен следующим образом. В начале XX века в отечественном литературоведении складывается несколько школ, конкурирующих друг с другом за возможность порождать высказывания о художественной литературе. Школы обычно перечисляются «через запятую», что подразумевает их горизонтальные отношения между собой. Идеи одной из таких школ — формальной — оформляются в работах Эйхенбаума, Юрия Тынянова, Бориса Томашевского, Виктора Шкловского и других. При этом последовательной саморефлексии метод, в сущности, не получает. В одной из ранних работ Михаил Бахтин говорит, что единственным опытом уяснения формалистами их исторического положения остается статья Эйхенбаума «Теория формального метода» (Бахтин, 2000, с. 221). Эта статья начинается со слов, которые прямо противоречат современному нарративу: «Так называемый “формальный метод” образовался не в результате создания особой “методологической” системы, а в процессе борьбы за самостоятельность и конкретность литературной науки» (Эйхенбаум, 1927, с. 116). Если для 1920-х годов борьба литературной науки за самостоятельность была актуальна, то в современной ситуации эти демаркационные смыслы высказывания Эйхенбаума оказываются не только невостребованными, но и непонятными. Однако их можно актуализировать благодаря совмещению в одном контексте с работой Дюркгейма о разграничении социальной психологии и социологии.

Ключевым для понимания роли формалистов в дискуссиях о предмете литературоведения является более ранний текст Эйхенбаума — его предисловие к книге «Молодой Толстой» (1922). Упомянув формальный метод, он говорит, что охотнее назвал бы его «морфологическим» — «в отличие от других (психологического, социологического и т. д.), при которых предметом исследования служит не само художественное произведение, а то, “отражением” чего является оно по мнению исследователя» (Эйхенбаум, 1922, с. 8). Другими словами, формализм должен рассматриваться не как специфический метод в ряду дру-

гих методологических решений литературоведения, а как попытка выявить специфику словесного искусства, и, отталкиваясь от нее, конституировать отдельную науку – науку о литературе.

Показательна в этом смысле перекличка между риторикой Дюркгейма и Эйхенбаума, который в том же предисловии к «Молодому Толстому» так пишет о претензиях к формальному методу: «Считалось, что изучать самое произведение значит анатомировать его, а для этого надо, как известно, сначала убить живое существо» (Там же). Эйхенбаум признает, что именно так и действует формальный метод, оправдывая подобную стратегию обращения с материалом. Здесь звучит сходная идея той, что была высказана Дюркгеймом в статье «Дуализм человеческой природы и его социальные условия» (1914): «Таким образом, мы не можем понять вещи, пока хотя бы отчасти не перестанем чувствовать в них жизнь, и не можем продолжать чувствовать жизнь, если не откажемся понимать ее» (2013, с. 137). Вряд ли здесь можно говорить о прямой цитате или даже об общем текстуальном источнике сходства. Вероятнее всего, мысль Дюркгейма восходит к кругу идей Канта, а формулировка Эйхенбаума имеет в виду реплику Сальери из пушкинской маленькой трагедии:

Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию...

Тем не менее параллель вскрывает существование обоих ученых в общем пространстве поиска научного языка для описания своего предмета.

Загадочным без контекста борьбы формалистов за эмансипацию от психологии выглядит следующее утверждение Эйхенбаума: «В области изучения фольклора и общей сюжетологии морфологический метод уже достаточно укреплен» (1922, с. 8). Формальный метод в фольклористике действительно проявил себя наиболее заметным образом в книге Владимира Проппа «Морфология сказки», которая, однако, вышла только через шесть лет после «Молодого Толстого», и ничего сопоставимого с этим, впоследствии классическим, трудом Проппа до 1920-х годов не появлялось. Объяснение такого утверждения можно найти в том, что Эйхенбаум говорит не о морфологии сказки в том узком смысле, в котором позднее о ней будет рассуждать Пропп (выделение порождающих моделей сюжетосложения), а о морфологии в широком смысле — о таком подходе к предмету исследования, когда текст не ставится в зависимость от внешних факторов. Подобные работы в фольклористике действительно уже были, к ним можно отнести, к примеру, указатель сказочных сюжетов, составленный в 1910 году Антти Аарне. В самом деле, предметом внимания в таком труде становится именно содержание текста, а не текст как отражение внеположенных ему факторов социальной или экономической природы. Кроме того, такая классификаторская работа гомоморфна классификации социальных типов, которую Дюркгейм называет социальной морфологией.

К началу 1930-х годов формальная школа сдает позиции перед так называемым «марксистским литературоведением». Историко-литературные факты ультимативно объясняются результатами классово-борьбы, и работа формализма над демаркацией науки о литературе сходит на нет — к тексту и внутритекстовым процессам литературоведение вернется только в рамках «структурализма». В отечественной традиции это произойдет в контексте московско-тартуской семиотической школы, а модельными сочинениями станут разборы поэтических текстов Юрием Лотманом. В то же время именно Лотман вскоре сам будет отказываться от такого «формалистского» подхода, предъявляя своему читателю литературу на фоне истории материальной культуры. Его «Комментарий» к роману в стихах Пушкина, композиционно выстроенный как двуединство описания социокультурного контекста и самого текста уже довольно далеко отстоит от манифеста Эйхенбаума, а переориентация автора с литературоведения на «Беседы о русской культуре», где литература играет роль иллюстративного материала, окончательно закрепляет в этой дисциплинарной зоне уступки, которые вынуждена делать наука о литературе в пользу других исследовательских стратегий.

На этом фоне особое место занимает стиховедение, которое неосознанно, но вполне последовательно сохраняет статус, декларирувавшийся формалистами в начале 1920-х годов. Объяснительные модели в стиховедческих работах не включают языка социологии или экономики, плохо соотносятся с марксистским или культурно-социологическим подходом. И в первую очередь этим, а вовсе не количественным подходом в наибольшей степени стиховедение отличается от науки о литературе. Отвергает психологические объяснения при отборе поэтических размеров автором Михаил Гаспаров в предисловии к книге «Метр и смысл»:

Первый напрашивающийся ответ будет такой: значит, в звучании каждого размера есть что-то, от природы имеющее ту или иную содержательную окраску — хотя бы самую неопределенную, чисто эмоциональную. Иными словами, связь между метром и смыслом есть связь органическая <...> Импрессионистические оценки такого рода по самому характеру своему не выдерживают критики: для любого метра могут быть представлены несчетные примеры, противоречащие объявленной характеристике (Гаспаров, 1999, с. 8—9).

Органической характеристике размера Гаспаров противопоставляет «историческую». Чтобы избежать путаницы терминов, заметим, что речь идет не об абстрактной истории и не об истории культуры в духе Лотмана, а об истории, не выходящей за пределы собственно стиховедения, то есть истории *самого* стиха.

Осознавая такую замкнутость стиховедения на своем материале, Максим Шапир в полемически заостренной работе об эволюции ритма специально говорит, что, противореча сложившейся в науке традиции, стремится увязать наличные стиховедческие факты с исторически значимыми событиями:

Эта работа посвящена обоснованию тезиса, абсурдность которого... кажется вопиющей: я утверждаю, что восстание гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка, случившееся в ночь на 25 ноября 1741 года, оказало решающее влияние на судьбы русского стиха... избранный сюжет было бы трудно определить иначе, как «вульгарно-социологический»: мне предстоит доказать, что дворцовый переворот, в результате которого на престол взошла Елисавета Петровна, непосредственно отразился на ритмической структуре русской силлабо-тоники (Шапир, 1996, с. 69).

Еще один характерный пример отказа от традиционных в литературной науке объяснительных схем — работа Гаспарова о русской рифме:

Сопоставляя все прослеженные линии развития отдельных видов аномальной рифмы, приходим к выводу: история русской рифмы представляет собой чередование периодов стабилизации и периодов кризиса — периодов разработки ритмического фонда, определенного некоторыми устойчивыми нормами узуса, и периодов поиска, когда старые нормы рифмовки сменяются новыми. Первая стабилизация — это 1745—1780 годы; первый кризис («от Державина до Лермонтова») — 1780—1840; вторая стабилизация — 1840—1900; второй кризис («от Брюсова до Гусева») — 1900—1935; третья стабилизация — 1935—1960; третий кризис («от Евтушенко до Евтушенко») — 1960—1990 годы. В развитии каждого кризиса рифмы можно выделить три фазы: 1) начальную — отказ от прежнего узуса рифмовки; 2) вершинную — поиски сразу во всех направлениях, с сильными индивидуальными отличиями, с резкими переломами в писательских привычках; 3) заключительную — одно из направлений поисков определяется как предпочтительное, устанавливаются нормы допустимости соответствующих новых видов рифмы, а другие направления поисков отмирают. Вряд ли нужно добавлять, что никакой оценочности в слово «кризис» мы не вкладываем (1984, с. 13).

Это модельные примеры, но им в основном следуют и другие авторы, создающие свои тексты в рамках отечественного стиховедческого подхода — так называемого «русского метода», как его называл Джеймс Бейли. Как и настаивал в свое время Эйхенбаум, стиховеды не стремятся объяснять свои наблюдения ни классово, ни психологически, ни социально. Это трудно доказать, поскольку ни один перечень примеров не будет полон, но я считаю, что предварительно можно выдвинуть тезис: стиховедение осталось едва ли не единственной дисциплиной (может быть, отчасти пару ей может составить нарратология), изучающей литературный материал, которая следует модели формализма, не уступая своего предмета другим научным языкам. Причины этого явления, скорее всего, коренятся в том, что стиховедение в своих наблюдениях довольно долго занималось позитивистским описанием структур, дистанцируясь от «надстраивания» над этими структурами семантики. Поскольку структуры дисциплинарно и предметно специфичны, у того, кто попробовал бы сконструировать их объяснение через психологию и особенно социологию, неизбежно возникли бы большие методологические сложности, требующие метафорического переосмысления материала.

В заключение хотелось бы обратиться к еще одному сюжету, который может пролить дополнительный свет на дисциплинарный статус стиховедения. В 2013 году вышла книга американского исследователя итальянского происхождения Франко Моретти *Distant Reading* (Moretti, 2013), которая сыграла важную роль в концептуализации области *digital humanities* (Пильщиков, 2018, с. 39), где, как и в работах русских формалистов, ключевой стала операция формализации плохо поддающегося ей художественного материала. Поэтому с самого появления книги предпринимались попытки осмыслить, как соотносятся идеи Моретти и наследие русской формальной школы. Эта тема стала одной из ключевых на специальной конференции *Russian Formalism and the Digital Humanities*, прошедшей в Стэнфорде в 2015 году (Ustinov, 2016). На ее открытии Моретти отметил, что «одним из главных методологических импульсов для него стала антология русского формализма...» (Пильщиков, 2018, с. 40).

Попробуем соотнести методологическую программу формалистов с реальной исследовательской практикой *distant reading*. Концепция Моретти предполагает, что в противоположность *close reading* (медленному чтению) исследователь не обращается к изучаемому тексту или корпусу текстов непосредственно. Между «читателем» и его объектом помещается посредник — модель, включающая количественное распределение в тексте / корпусе некоторого формализованного параметра, которое можно представить в виде графика или таблицы. Иллюстративна в этом смысле глава книги (как и остальные, прежде вышедшая отдельной статьей) *Style, Inc. Reflections on Seven Thousand Titles (British Novels, 1740–1850)*. В ней все многообразие информации, содержащейся в коллекции из семи тысяч художественных книг редуцировано до одного вычислимого параметра — длины заглавия каждой из них. Отложенная на графике кривая, показывающая устойчивый нисходящий тренд, и есть основной предмет анализа для исследователя.

Описав этот тренд, Моретти предлагает ему объяснение, за которым обращается к особенностям функционирования книжного рынка в соответствующую эпоху: «...первое, что мы видим на этом расширенном (литературном. — Б.О.) поле за данный исторический период, — это *силу рынка*: его рост создает основное ограничение в способе репрезентации романов» (Моретти, 2016, с. 263–265). Рынок — это экономическое понятие, внеположное тому, что Эйхенбаум называл «самым художественным произведением». Таким образом, Моретти видит в распределении значений своего параметра «отражение» экономических процессов, а поскольку это распределение служит моделью литературы, то и сама литература как объект в этой исследовательской оптике становится зависимой от социально-экономических факторов.

Метод Моретти по отношению к формальному предстает своего рода троянским конем: как и русские формалисты, он отталкивается от формы, причем понятой предельно узко — как набор поддающихся формализации и подсчету признаков, существующих на уровне языка,

но на «последней миле» исследования поступает идеологически чуждым формализму образом. «Последняя миля» — это логистический термин, обозначающий чрезвычайно трудный для планирования этап доставки товара конечному пользователю. Для *digital humanities* известные сложности также возникают на финальном этапе работы с материалом, то есть в тот момент, когда исследователь должен подобрать для полученных данных объяснительную модель. Моретти легитимизирует объяснение литературных фактов социальными и экономическими причинами. Упрощенно говоря, в рамках *distant reading* литература — это отражение социального.

Значимый контраст составляет, например, статья Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1918), где представлен не теоретический манифест, а пример исследовательской практики. В ней автор фиксирует особенности композиции повести, ряд языковых и жанровых эффектов, вводит понятие *тона*, заимствуя терминологию из музыковедения. Все описываемые факты подчеркнуто принадлежат миру текста, а литературовед последовательно игнорирует возможности выйти за его пределы — как в область диахронии (заменить теоретическую модель генетической, сопоставив объект анализа с другими образцами литературных произведений), так и в область социального или психологического. Здесь, однако, есть и существенное отличие от того, как подходит к материалу Дюркгейм. Если он, следуя своей установке, объясняет социальные факты *социальными же* фактами (примером может служить книга «Самоубийство», 1897), то Эйхенбаум вовсе отказывается от объяснений. Его текст демонстрирует почти голый эмпиризм, находящий продолжение в последующих работах Романа Jakobsona, описывающих структуру русских классических стихотворений («Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы») и совместной с Клодом Леви-Строссом статье о «Кошках» Бодлера. Совокупный опыт Эйхенбаума, Jakobsona и Моретти подсказывает, что исследователи литературы, даже научившись сосредоточиваться на художественной форме, с трудом видят в собственно литературном материале объяснительный ресурс и вынуждены либо отказываться от объяснения, либо привлекать внешние по отношению к литературе способы концептуализации.

Итак, формалисты в борьбе литературоведения за свою особость проиграли дважды. Первый раз, когда советский марксизм индуцировал литературоведение видеть в литературных фактах надстройку, объясняемую через базис. Второй раз, когда, возродив формальный и количественный подход, и многое сделав для их продвижения, Моретти показал такой образец аналитических процедур, который не видит за литературным фактом особенного статуса, а предполагает его представление как отражение социокультурных и экономических процессов. При этом литературоведение как пункт библиотечной классификации и как шифр специальности ВАК РФ все же существует. Это означает, что проигранной оказалась борьба именно за свойственное формалистам видение специфики литературы как объекта исследования, но не за институционализацию литературоведения как таковую.

Благодарности. Исследование выполнено в НИУ ВШЭ при поддержке гранта Российского научного фонда №23-28-01201, <https://rscf.ru/project/23-28-01201/>.

Список литературы

- Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000.
- Бурдьё П. Поле литературы / пер. с фр. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. №5 (45). С. 22–87.
- Гаспаров М.Л. Эволюция русской рифмы // Проблемы теории стиха / отв. ред. В.Е. Холшевников. Л., 1984. С. 3–36.
- Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М., 1999.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., посл. и примеч. А.Б. Гофмана. М., 1995.
- Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия / пер. с фр. Г.Б. Юдина¹ // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, №2. С. 133–145.
- Моретти Ф. Дальнее чтение / пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. М., 2016.
- Пильщикова И. Франко Моретти и новый квантитативный формализм // Новое литературное обозрение. 2018. №2 (150). С. 39–45.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр.; под ред. А.А. Холодовича. М., 1977.
- Шанир М.И. У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма: (К социолитературологической характеристике стиха раннего Ломоносова) // Philologica. 1996. Т. 3, №5/7. С. 69–101.
- Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. Пб.; Берлин, 1922.
- Эйхенбаум Б. Литература: Теория. Критика. Полемика. Л., 1927.
- Moretti F. Distant Reading. L., 2013.
- Ustinov A. The Legacy of Russian Formalism and the Rise of the Digital Humanities // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2016. Bd. 4. S. 287–289.

Об авторе

Борис Валерьевич Орехов, кандидат филологических наук, доцент, школы лингвистики, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Лаборатория цифровых исследований литературы и фольклора, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Россия.

E-mail: nevmenandr@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9099-0436

Для цитирования:

Орехов Б.В. История стиховедения и формализм // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №4. С. 147–157. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-10.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

¹ Г.Б. Юдин внесен 19 января 2024 года в список иностранных агентов решением Министерства юстиции РФ. — Примеч. ред.

THE HISTORY OF VERSE STUDIES AND FORMALISM

Boris V. Orekhov^{1,2}

¹Higher School of Economics' National Research University,
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

²Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarova Nab., Saint Petersburg, 119034, Russia

Submitted on 01.04.2024

Accepted on 15.06.2024

doi: 10.5922/ 2225-5346-2024-4-10

The core idea of formalism is that literature is not merely a function of psychology or social theory and cannot be explained using the tools of these sciences. One could say that poetics is almost the only philological subdiscipline that has managed to preserve the fundamental idea of formalism, explaining poetic facts in terms of poetics itself, rather than through economic, sociological, or psychological means. This is precisely the approach taken by Mikhail Gasparov in his article on the history of Russian rhyme, where, without resorting to reductionism, he constructs his concept of cultural history as a sequence of crises and their resolutions. Maxim Shapir, in his well-known work on the evolution of the Russian iambic tetrameter, specifically highlights the unusual method he employs – the explanation of a poetic fact through historically documented and socially significant events. Poetics, more than any other branch of literary studies, maintains its hermetic nature, which presupposes the explanation of literary data through literary circumstances. The situation in which literature finds itself having to defend its autonomy from other sciences is reminiscent of the position once faced by sociology and linguistics, where Emile Durkheim and Ferdinand Saussure fought for their separation from psychology. In recent times, Franco Moretti has attempted to mimic the methodology of formalists, though he still advocates the stance of a methodologically opposed party, which assumes that literary facts can be explained using the logic of social sciences.

Keywords: theory of verse, rhyme, Russian formalists, Gasparov, Moretti, quantitative philology

Acknowledgement. This publication was supported by grant 19-78-10132 of the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/19-78-10132/>.

References

Bakhtin, M. M., 2000. *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filozofiya yazyka* [Freudianism. Formal method in literature studies. Marxism and philosophy of language]. Moscow (in Russ.).

Bourdieu, P., 2000. Literary field. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 5 (45), pp. 22–87 (in Russ.).

Durkheim, É., 1995. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its object, method, purposes]. Translated by A. B. Gofman. Moscow (in Russ.).

Durkheim, É., 2013. The dualism of human nature and its social conditions. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 12 (2), pp. 133–145 (in Russ.).

Eikhenbaum, B., 1922. *Molodoi Tolstoi* [Young Tolstoy]. Peterburg; Berlin (in Russ.).

Eikhenbaum, B., 1927. *Literatura: Teoriya. Kritika. Polemika* [Literature: Theory. Critics. Polemics]. Leningrad (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1984. Russian rime evolution. In: *Problemy teorii stikha* [Problems of theory of verse]. Leningrad, pp. 3–36 (in Russ.).

Gasparov, M. L., 1999. *Metr i smysl* [Meter and meaning]. Moscow (in Russ.).

Moretti, F., 2013. *Distant Reading*. London.

Moretti, F., 2016. *Dal'nee chtenie* [Distant reading]. Translated by A. Vdovin, O. Sobchuk and A. Shely. Moscow (in Russ.).

Pilshchikov, I., 2018. Franco Moretti and New Quantitative Formalism. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2, pp. 39–45 (in Russ.).

Saussure, F. de, 1977. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works in linguistics]. Translated by A. A. Kholodovich. Moscow (in Russ.).

Shapir, M. I., 1996. At the origins of iambic quatrameter: genesis and evolution of its rhythm. *Philologica*, 3 (5/7), pp. 69–101 (in Russ.).

Ustinov, A., 2016. The Legacy of Russian Formalism and the Rise of the Digital Humanities. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 4, s. 287–289.

The author

Dr. Boris V. Orekhov, Associate Professor, School of Linguistics, 'Higher School of Economics' National Research University; Senior researcher, Laboratory of Digital Research of Literature and Folklore, the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: nevmenandr@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9099-0436

To cite this article:

Orekhov, B. V., 2024, The history of verse studies and formalism, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 4, pp. 147–157. doi: 10.5922/2225-5346-2024-4-10.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))